

Близкие люди

РОМАНЫ

ЕЛЕНА РОНИНОЙ

ЕЛЕНА РОНИНА

ПОСЛЕДНЯЯ

гроза,

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р71

Оформление серии *Елены Куликовой*

Фото автора на обложке *Анны Леонтьевой*

Все события в книге вымышлены

Ронина, Елена.

Р71 Последняя гроза / Елена Ронина. — Москва :
Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-199057-2

Подмосковная усадьба «Вязы» жила по правилам своего хозяина. Властный и жесткий Григорий Андреевич держал под строгим контролем не только семейный бизнес, но и всех домочадцев. Он точно знал, как лучше устроить жизнь родных, и сам выбирал для них путь. Дочь, ее муж, внуки и даже свояченица — никто не осмеливался ослушаться сурового родственника.

Умирая, мужчина оставляет таинственное завещание, оглашения которого семья ожидает со страхом и трепетом. Все знают: теперь их жизнь изменится. Но никто не мог представить, что их ждет на самом деле...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ронина Е., 2024
© Оформление.

ISBN 978-5-04-199057-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Важно выделять фигуру на фоне.
Но иногда фон важнее.*

ПРОЛОГ
ПРАВИЛО
БУМЕРАНГА

Усадьба «Вязы» хороша в любую погоду и в любое время суток. И в солнечное утро, и в тихий лунный вечер. Снеги, ветер, ничего не меняет мирное течение времени.

Построенная еще до революции, она пережила многих хозяев, видела и красивое, и ужасное. Была фоном для праздников и для трагедий.

Отрадно, что стены устояли, две большие галереи с колоннами сохранились белыми, как и было задумано, даже бельведер каждый новый хозяин любовно подправлял. Да, с хозяевами «Вязам» везло. Территории большие — вполне можно было взять разрешение на новые постройки, всегда находятся лазейки в законе. Но что бы досталось потомкам? Усадьба способна сохранить свой монументальный образ, только когда стоит в гордом одиночестве на фоне огромного зеленого пространства. Со всех сторон дом окружен вековыми деревьями, а деревянная лестница спускается к извилистой речке.

Единственное дополнение — последние хозяева пристроили пандус. С недавнего времени не все обитатели усадьбы могли себе позволить лестницу. Все остальное осталось как прежде.

Двухэтажный дом с царским величием благо-склонно встречал гостей полукругом строения. Bravo архитекторам из прошлого! Создавалось впечатление, будто бы усадьба слегка обнимает вновь прибывших и одновременно дает свободу покинуть территорию в любой удобный момент.

Большая открытая галерея на первом этаже, жилые помещения на втором: высокие двустворчатые двери, светлые окна — по три в каждом помещении. Весь дом был выполнен в духе позднего ампира, о чем говорили и строгая элегантность, и округлые формы деталей. Витая чугунная ограда тоже сохранилась с давних времен. Слава богу, не выломали, не разворовали, на сплошной забор до неба не поменяли. Да, прежние господа свои богатства не прятали, они гордились достижениями своих дедов и отцов, с гордостью и почитанием продолжали начатое достойными предками дело.

Это сегодня все живут за сплошными заборами. В прошлом веке предпочтения отдавали решеткам. Старались не засаживать легкие заборы ничем вьющимся — каждый владелец усадьбы гордился тем, как он живет. Да и из окна второго этажа нужно было издалека увидеть, чей экипаж приближается, чтобы успеть выйти и самому встретить гостя.

Марта любила представлять себе придуманную ею бывшую владелицу Софью, девицу восемнадцати лет. Вот уже и срок пришел к замужеству, но она все выбирала. Или ее выбирали? Милая, начитанная, всему обученная. Прелестно пела и танцевала, немного рисовала и владела искусством вышивки, как никто. Один недостаток — небогата. На сезонные балы выезжала регулярно, знакомилась, производила хорошее впечат-

ление (сама Софья в этом нисколько не сомневалась). А потом сидела у окна и ждала, когда же вернется тот кавалер, который обещал ее непременно навестить. Но он все не ехал. А годы шли, утекали, как ручей, сквозь пальцы. Софья бледнела и худела. Так прошли юность, молодость, наступила старость. Как-то в окне показался он, тот самый несостоявшийся кавалер. Она его узнала сразу в старом солдате, опирающемся на палку. Седая голова, мешок за плечами. Софья увидела его в окне и приказала не пускать.

Да! Так придумала Марта! Зло должно быть наказано! Правило бумеранга никто не отменял.

Марта прямо-таки чувствовала присутствие этой ею придуманной Софьи. Как жаль, что оба ее племянника, которых она вырастила в этом доме, мальчишки. Они совершенно не прониклись сказкой про Софью. Еще младший, Валька, задавал какие-то вопросы, а старший, Витька, и вовсе не слушал.

Несколько лет назад на вернисаже в Измайлове она увидела портрет молоденькой незнакомки в легком пеньюаре. Марта поняла мгновенно: ОНА! Ее Софьюшка! Влюбилась в картину, купила недорого и повесила у себя в кабинете. С тех пор жизнь в усадьбе не казалась ей такой одинокой. С Софьей беседовала, ей жаловалась. Девушка с портрета единственная в этом доме воспринимала Марту всерьез. Она в этом не сомневалась ни минуты.

Виктор долго хохотал, увидев портрет:

— Да, Марта! Не шедевр. С другой стороны, все-таки не Маргарита. Та, которая от Пиросмани, — любовь всей его жизни. Кривоногая бледная уродина с кладбищенским букетом. Хоть за это тебе спасибо.

— Во-первых, ты сюда никогда не заходишь. Какая тебе разница? А про стиль Пиросмани иди по-

спорь с дедом, он же у нас коллекционер. Но я рада, что ты так внимательно рассматриваешь картины.

— Еще чего не хватало. Ты прекрасно знаешь, как я отношусь к картинам деда. Мало того что живем в боярской избе, так еще и в пыли повсюду развешанных картин. Моя б воля, все бы повыкидывал.

— Не передергивай. Наша усадьба не изба, и какая пыль от картин? Это же тебе не ковры!

— Только ковров тут и не хватало.

— И потом, эти картины — твой кошелек. Я, конечно, не совсем в курсе, но судя по сигнализации, которая у нас установлена...

Виктор не дал Марте договорить.

— Кошелек не мой. И не твой, кстати! Даже интересно посмотреть, что будет, когда дед помрет? Как эти картины будут по углам растаскиваться?

— Что ты такое говоришь!

Виктор причитания тетушки уже не услышал. Он круто развернулся и уехал на своей коляске. Боль и бесконечные терзания Марты. За что им все это? Все жители усадьбы были в какой-то мере несчастны. Как у Толстого. Или как в каждой семье? Себя Марта несчастной не считала. А после покупки Софьи и одиночество отступило. Что делать? Это ее жизнь. Жизнь при богатой семье.

Тихой гаванью такую жизнь назвать было сложно.

* * *

Дождь хлынул внезапно. Враз темное синее небо стало черным, луна наполовину ушла во мглу, и вода упала на землю, как из ушата, тяжелой массой.

Марта только вышла из ванной, подошла к окну, чтобы задернуть шторы, и тут на тебе.

— Нет! Этого не может быть! Ну почему всегда так?!

Она схватила телефон и начала набирать номер. Пальцы не слушались, она отшвырнула телефон на кровать.

— Очки? Куда я опять их задевала? Боже, боже, за что? Это же не дождь! Это светопреставление. Все рушится! Из-за какого-то дождя. Целый год готовилась к этому дню!

Марта пыталась найти очки, но в ответственный момент их никогда не оказывалось под рукой. Очки обнаружались в ванной. Господи, ну зачем она их взяла с собой в ванную?! Пора уже перестать быть такой мнительной и в сто пятидесятый раз перечитывать этикетки на всех баночках.

Очки меняют жизнь, ты становишься еще медленнее. А Марта с возрастом еще и стала мнительной. Откуда эта идиотская идея, что ее хотят отравить? Кого осчастливит ее смерть? Денег у нее нет, а хоть какую-то пользу усадьбе она все же приносит.

— Алексей! Прости меня, я знаю, что уже поздно, но ты видишь, что творится? Розам не пережить эти удары! Что значит «поднимутся»? А если нет?! Умоляю тебя, приезжай. Приезжай немедленно. Что я должна сделать, чтобы ты приехал? Нет, выйти за тебя я не могу, прости, внуки не позволяют.

Марта улыбнулась и слегка успокоилась. Ну надо же... Неужели ее только что позвали замуж? Или это все-таки было про розы? Но как ни странно, дождь уже не казался ей таким смертельным.

Григорий Андреевич тяжело поднялся из своего вольтеровского кресла, Алена заметила, что сегодня ему опять понадобилось опереться о подлокотник, рука при этом слегка задрожала. Ей потребовалось некоторое усилие слегка притормозить себя и не броситься на помощь. Фролов тем не менее движение заметил и слегка усмехнулся. Воспитал, стало быть. За пять лет. А ведь какое-то время она видела его лежащим. Страшно вспомнить тот стыд и неловкость.

Алена чувствовала его страдания. По глазам и стиснутым зубам. Она все и всегда чувствовала. Не то женщина, не то ребенок. Как было к ней не привязаться?

Именно она поставила Фролова на ноги. Никто не верил, а она тогда одними губами прошептала: «У нас получится. Вы только доверьтесь мне. Нужно довериться», и он доверился. Через боль, через силу.

Она подарила ему еще несколько полноценных лет. Пять лет жизни, активности, а может, и любви.

Подняться с кресла получилось не с первого раза. Фролов немного постоял, голова опять закружилась, но он не имел права плюхнуться обратно. Он видел: Алена напряженно наблюдает, хотя делает вид, что ничего не происходит. Значит, сделаем пару шагов к окну. В конце концов, всегда можно опереться на массивный дубовый подоконник, да и за тяжелые бархатные шторы можно зацепиться, если вдруг падать начнет. В этот момент он вдруг ясно почувствовал, что устал. И на самом деле ему практически все равно, упадет он сейчас

или нет и увидит ли это Алена. Сколько можно цепляться за жизнь? Вылавливать взглядом подоконник, шторы, колонны или высокие барные столы, чтобы было за что ухватиться, если что. Жить нужно, шагая легко и непринужденно. А когда вот так...

Григорий Андреевич попытался выгнать навязчивые мысли из головы. Зачем это он? Что за странная непозволительная слабость?

Фролов практически твердым шагом дошел до окна:

— Опять дождь, вроде бы ничего не предвещало, и надо же, как ливануло. Марта расстроится. Прибьет ее розы. На какое число намечен в этом году праздник цветов?

— Дней через десять. Да, завтра всем нам тут мало не покажется. Труд целого года поставлен под удар. Но главное, чтобы дождя не было в день праздника.

— Не люблю дождь. В дождь перестраивается природа, как будто и всем ненавязчиво напоминает: все старое смыли, начинаем с чистого листа.

— И что в этом плохого? С чистого листа всегда хорошо.

— Не скажи. Кто-то перестроится, кого-то может и смыть.

— Мне не нравится ваше настроение сегодня. Как вы себя чувствуете?

— Кое-как. — Почему-то не хотелось врать, не хотелось изображать из себя бодрого и веселого.

— Так. Я вызываю врача. — Алена поднялась со своего стула

— Да погоди ты! Не суетись. Это все терпит. Лучше ты скажи, как сама?

— У меня все в норме. Моя бабушка всегда отвечала в таких случаях: в соответствии с возрастом.

— Береги себя. Для меня очень важно, чтобы все у тебя в этой жизни сложилось хорошо. Фильм такой был раньше — «И дождь смывает все следы», с женой покойной вместе смотрели. Не видела?

— Нет.

— Ну да, другое поколение, другие фильмы, другие книжки, хотя какие сегодня книжки, кто их читает? Ты читаешь?

— Мало. Вы правы, в основном профессиональную литературу.

— Вот видишь... Книжек нет, вместо фильмов сериалы. Как ни войдешь к Веронике — у нее всегда сериал включен.

— Если бы вы стучались, она бы его выключала.

— В своем доме я ни к кому стучаться не буду. Есть возможность закрыться на замок. Не закрылась — значит, не против. М-да, про фильм. Наивный такой, зло всегда наказывается, правило бумеранга существует. Ты веришь в бумеранг?

— Не знаю. Бумеранг — это справедливость. А есть ли в этой жизни справедливость? Сомневаюсь. Если с вами что случится, меня тут загрызут.

Алена подошла к Фролову, положила руку ему на плечо и слегка прикоснулась головой к его щеке. Она умела быть нежной, не нарушая границ. Фролов перехватил ее руку, на глаза навернулись слезы. Неужели все? Он постарался, чтобы голос звучал уверенно:

— Я не дам тебя в обиду. Не думай о них плохо. Сам все знаю, но они все родные мне люди.

— Простите, иногда не укладывается в голове.

— Если что-то с ними не так, я виноват в этом сам. Всю жизнь работал, на семью времени не было, да и интерес мой был всегда вне дома. Детьми нужно заниматься, вкладывать в них свое время, душу. А я что? Я не воспитывал, а откупался. Вероника ни в чем не знала отказа, и вот результат.

— Не наговаривайте на себя. Вы всегда ее очень любили, а вот кого любит она?

— Надеюсь, что Вероника тоже знает, что я ее любил и люблю. Все, что делал, в первую очередь из любви к ней. Ты всего не знаешь — у нее непростая жизнь. Давай не будем это обсуждать.

В голосе Фролова появились металлические нотки, и он слегка отпустил руку своей помощницы.

Алена пожалела, что не сдержалась. К чему? Григорий Андреевич прав. Это его дочь, его внуки, его семья. Она всего лишь сиделка, тренер по физкультуре, возведенная благодарным хозяином в ранг помощницы.

Она не сразу поняла, что он не отпускал ее руку специально, не хотел, чтобы она почувствовала внезапно возникшую слабость.

— Григорий Андреевич? Вы меня слышите? Миленький мой, не молчите! Подождите, сейчас!

Алена постаралась не поддаваться панике. Довела Фролова до его кресла, тут же набрала номер скорой помощи.

— Держитесь, ну же! Мы с вами и не из таких передрыг выползали.

Фролов вымученно улыбнулся в ответ:

— Устал я, понимаешь, ползать. Привиделось мне, что в другом мире опять смогу ходить нормально. И может, даже летать. А? Как думаешь? Чем черт не шутит? Или сейчас уже черта лучше не упоминать?